

Как раскрестьянили крестьян

О массовом истреблении тех, кто мог быть реально независимым от государства.

В 2008 году новый собственник Вишерского бумажного комбината обманул рабочих. Началась голодовка. Среди голодающих — потомки тех, кого везли эшелонами, баржами и просто гнали по бездорожью под свирепым конвоем на Вижаиху. Здесь строился целлюлозно-бумажный комбинат — первое легендарное предприятие нового типа социалистического хозяйствования, основанного на дешевой рабочей силе. Рабском труде, превращающем человека в пыль на ветру. Здесь отработывалась технология уничтожения человеческого в человеке.

Планировка
лесной биржи в
Вишерском
лагере. 1930 г.

Здесь и сейчас еще помнят, как за невыполнение нормы привязывали работника голым к дереву. Называлось такое наказание «поставить на комарей». Помнят, как топили в болотах несогласных. И тут не обошлось без новейшей технологии: впереди шел заключенный или ссыльный, за ним — охрана. Через болота бросали жердочки. На них должен был ступить бедолага. Болото молниеносно засасывало жертву.

Екатерина Видюкова, дочь репрессированного, рассказывала мне, что ее мать знала определенно, как погиб один из таких несогласных. Нефтепромышленник Эммануил Дижур. Он был красив. Никого не боялся. Мог ответить на любое слово. Постоять за себя и други своя. Его боялись и начальники, и уголовники. Вот таких и ожидала болотная смерть.

Каждый, кто топтал вишерскую землю как заключенный или ссыльный, будет задавать себе не только вопрос «за что?», но и «почему?» Почему унижение человеческого достоинства продолжается, будто не было XX съезда партии? Почему стратегия ГУЛАГа по отношению к человеку сохраняется, меняя свои формы? Почему *«государство самостоятельно не реабилитирует свои жертвы, не признает ошибок в политике»* (Екатерина Видюкова).

Документы души

Я рассказываю об уникальной книге «Красное колесо Вишеры», вышедшей в издательстве «Пушка» в 2008 г. Автор и составитель проекта Нина Дюкова, дочь репрессированного Анисима Золотовского. Первый выпуск разошелся молниеносно. Сейчас готовится второй тираж по подписке.

Эта книга — результат многолетней работы в архивах различных организаций. Это попытка восстановить жизнь тех, кто прошел через лагерь, бывший сначала четвертым отделом СЛОНа*, а затем обретший статус образцово-показательного концентрационного лагеря с отделениями в Усть-Улусе и Березняках.

Каждое отделение имело свои командировки — это многочисленные поселения, отдаленные друг от друга десятками километров.

Как говорят на Вишере, на командировки засылались люди без всяких гарантий на возвращение. Именно там случались саморубы. Не имеющие навыков обращения с крупным лесом люди погибали.

Через Вишлаг прошли все потоки репрессированных.

Первый этап заключенных прибыл в 1928 году.

1930 год — прибывают первые раскулаченные. С февраля по март было доставлено 4500 семейств. Надо учесть, что семьи были многочисленными. Началось то, что в официальных документах называется колонизацией — выселением крестьян и освоением отдаленных северных территорий.

1932 год — идут крестьянские семьи, к тому времени уже раскулаченные и высланные. Это вторая ссылка. Их забрасывают в тайгу и болота.

В том же году начинается поток советских немцев, достигший своего пика в годы войны.

1934 год — поток репрессированных в связи с ленинградским делом (убийство Кирова).

1938 год — на Вишере сосланные поляки. Первые 200 поляков. Мороз. Ждут ночлега. Их распределяют по избам. Утром гонят на север. Шубные одеяла вымораживают. Полно вшей. Идет поток из Прибалтики. Много финнов (преимущественно женщины).

1944 год — крымские татары, греки, болгары.

1945 год — на баржах доставляют репатриированных немцев.

Вишера заговорила на десятках языков.

Нина Дюкова считает, что самым мрачным фактом тех лет было то обстоятельство, что многие жители шли на службу в НКВД. По рассказам тех, кто мог запомнить вертухаев всех рангов, восстанавливаются их имена: Усанин, Вильков, Ничков, Бурмантов, Ермаков, Некрасов.

«Часто спасаясь от голодной смерти, люди бежали. Не всем удавалось преодолеть переправу на Вишере. Охранял переправу стрелок по фамилии Панченко, который отстреливал беглецов. До сих пор эта переправа называется Панченко» (Екатерина Видюкова).

Уникальность книги, созданной в Красно-вишерске, состоит в том, что ее написали те, кто сидел, а также вдовы, дети, внуки и правнуки сидельцев.

Все никак не могла понять, отчего щемит сердце, когда читаешь о судьбах, почти идентичных. Отчего фабульная одинаковость рассказов не утомляет, а только усиливает впечатление.

Ответ нашла у Шаламова. Да, есть свидетельство документа. Есть выразительность протокола. Но есть тип документа, который писатель назвал документом души. Это когда на бумагу выходит выстрадавшее собственной кровью. И тогда перед тобой не информация, а сердечная рана.

Нигде так пристально не вчитываются в Шаламова, как в Красновишерске. Здесь давно в школах изучают творчество писателя.

Варлам Тихонович в книге проходит в двух ипостасях. Когда вишерцы ссылаются на документы, в их число непременно входят книги Шаламова. Его художественное слово обретает непреложность и убедительность протокола.

Вторая ипостась — Шаламов рядовой узник Вишлага.

Вишера оказалась для него пробой сил. Физических и моральных. Не бояться жизни и воспринимать ниспосланное как испытание.

Есть в книге любопытная публикация. Это фрагмент статьи Риммы Печуркиной. Она записала рассказы некоторых сидельцев. Все, что они пережили и о чем рассказывали, не только напоминает шаламовские рассказы. Рассказ идет «прямо по Шаламову», — замечает Римма. Что здесь первично: верность Шаламова натуре или художественное слово пересоздает собственные личные впечатления? Пересоздает саму действительность.

Красновишерск уникален доверием к слову писателя как источнику истины.

Так вот, личные воспоминания репрессированных и их потомков позволяют поразмышлять о нас самих. Сегодняшних. О противостоянии отдельного частного человека и государства. Понять, как сказал бы Шаламов, правду этой борьбы.

В самом деле, какова возможность влияния человека на собственную судьбу, если она перемалывается зубьями зла (термин Шаламова).

Он уже тогда, на Вишере, понял не только иллюзорность, но и то, что он называл тяжестью надежды. Главное, что его занимало: каковы возможности «опереться на другие силы, чем надежда». Какие это силы? — вот в чем не книжный и не риторический вопрос. Ответ на него обладает не статусом мысли, а статусом бытия.

Он тем значительнее, что исходит не от философа, историка, литератора. Он исходит от типичного крестьянина конца девятнадцатого — начала двадцатого века.

Крест крестьянства

В отличие от авторов сегодняшних учебников истории, бессовестно лгущих нам о том, что репрессиям подвергалась партийная верхушка и судьба коммуниста была страшнее судьбы беспартийного, — вишерская книга (за несколькими исключениями) рассказывает о земледельце, никогда не помышлявшем о партии.

Это книга — о массовом истреблении той части населения, которая хотела, могла и реально была экономически независима от государства. Таким и был крестьянин, уверовавший в то, что земля принадлежит народу.

Две лошади, две коровы, 20 гусей, 30 свиней, маслобойка, собственный дом, кусок земли — и ты свободен.

Книга по существу своему говорит устами очевидцев о трагической странице нашей истории — раскрестьянивании крестьян. Об уничтожении крестьян как наиболее независимого от власти слоя российского населения, обладавшего генетически сильной способностью работать в поте лица. Эта способность передавалась в дар следующим поколениям как наследство, не подлежащее обмену.

Исторический парадокс состоит в том, что именно крестьянские войны начала века стали прологом революции. Ее детонатором. Вишерское повествование побуждает думать над нашими не только экономическими, но и нравственными потерями. О том, что мы называем генофондом нации.

Есть большой искус пройти по деревням, откуда выселяли самых трудолюбивых крестьян, и посмотреть в глаза сегодняшнему крестьянину, выросшему в принудительно-колхозном труде. Посмотреть в лицо сельскому молодому человеку, на глазах которого в течение двух последних десяти лет идет крушение животноводческих ферм, сдача всех металлических конструкций в металлолом.

Что думает он о своей крестьянской судьбе, когда видит, как под нож идет племенной скот, как элитное зерно, предназначенное для посева, перемалывается в муку, а фермер получает фуражное зерно вместо элитного. И после этого попадает в финансовую кабалу или кончает с собой.

Не надо проводить социологических исследований, чтобы знать: среди выстоявших сегодня фермеров большинство тех, чьи деды и прадеды были раскулачены. Связь человека с землей — одно из самых таинственных, сокровенных, почти мистических явлений, на которое с особой яростью обрушился репрессивный аппарат. Это была борьба не только с человеком, но и с самой природой.

На что, на какие силы опирался крестьянин, искавший на Вишере связь со всей своей семьей в десять—двенадцать человек? На что мог рассчитывать, очутившись в бараке без пола и окон и без права раскорчевать пни под огород?

«Я го тов был жить», — ключевая фраза Шаламова периода вишерского заключения.

Они готовы были жить — доминанта мироощущения сосланных.

Вот эта витальная сила лежала в основе генофонда нации. Они готовы были жить даже тогда, когда из всего семейства живым оставался один подросток. *«Первым забрали дедушку. Через неделю пришли за отцом. Его дома не оказалось. Он пас коров. Когда он пришел, босой, в старой одежде, его стали обыскивать на наших глазах. Через два месяца приехали за нами. Брат Тихон успел зарубить несколько кур — их взять не разрешили. Из шести человек, отправленных на поселение, каким-то чудом выжила я. В первые же годы из жизни ушли пятеро» (Марфа Исцелемова, умерла 5 сентября 2007 г.).*

Бесхитростные рассказы, не выходящие за пределы конкретной частной истории, говорят нам о способности противостоять государственным зубьям зла. «Когда я познакомился с наукой химией, мне захотелось сравнить условия жизни этих людей с таким сильнодействующим веществом, как концентрированная азотная кислота, а самих людей — с тем металлом, на который она может повлиять, то есть золотом. Да, это были страдальцы. Испытывая варварское отношение к себе со стороны власти, они чувствовали, что жизнью каждого из них распоряжается не Всевышний, а дьявол. Но они очень хотели жить и всеми силами старались сбросить гнет кары, свалившейся на них без причин. У них было отнято величайшее из благ — свобода. Наипервейшее человеческое право — жить — было поругано, попрано» (Петр Пьянков).

Петру было восемь лет, когда в их деревню пришел в сопровождении конвоя большой отряд мужчин. Это был этап репрессированных — строились бараки для раскулаченных. И вот однажды появился санный обоз. Старики, дети, женщины. «Их ждала голодная жизнь» (Петр Пьянков)

«Когда нас раскулачивали, отцу удалось закопать часть нашего зерна. Однажды он за ним отправился. Шел долго. Выкопал зерно, увел из колхоза нашу же лошадь и с зерном вернулся домой. Той же весной нас выселили. От голода умерла младшая сестра. У мамы отнялись ноги. На фронте погиб один сын отца. В этом же году умер второй сын» (Екатерина Балакина).

Игнатий

Илларионович Кушнир с семьей (до 1939 г.)

«Нас раскулачили не сразу. Сначала отобрали хорошую землю, дали четыре га на склоне горы, где ничего не росло. А у нас выросла кукуруза выше человеческого роста. Однажды приехали активисты на 12 подводах. Забрали кукурузу, семечки подсолнуха, все подчистую. Отца забрали в тюрьму. Нас привезли на станцию. Выходить из вагонов не разрешали. В углу приспособили бачок для туалета. Идут несколько женщин, загораживаят собой угол. Вонь. Духота. Появились вши. Отец не всегда был с нами. Уже на Вишере его снова арестовали. Забрали и моего жениха. Звали его Антон. Из нашего блока под Новый год забрали 64 мужчин. Ждала Антона. Думала, он вернется. А он уже был расстрелян» (Анна Кушнир).

«Тогда многих косил тиф. В телячьем вагоне ехал мой свекор. Он услышал, что всех больных приказано не лечить, а выбрасывать из вагона. Он притворился больным. Его выкинули где-то в глубокой Сибири. Как он добрался до дома, одному Богу известно. Потом его арестовали» (Нина Антипина).

Сначала трудно понять такие фразы: «отца арестовали», «второй раз раскулачили». Как арестовали? Ведь отец уже в ссылке? Раскулачили вторично — это означает, что раскулаченный все-таки посеял кукурузу на неудобье. Кукуруза выросла, какой отродясь не было в колхозе. Вот и схлопотал еще одно раскулачивание. Дело доходило до того, что ссылкой разрешали пни корчевать под огород только после войны.

«В ссылке моих родителей унижали. Их забирали по ночам в органы, допрашивали. Не разрешали иметь сенокос, не давали землю под огород. Как только сняли репрессии, мы начали корчевать лес, осушать болота. И каждый раз готовую землю у нас отбирали» (Валентина Золотовская).

«Рядом был лес, полный грибов и ягод. Женщины кинулись туда. Среди них была моя мать. Навстречу шел мастер-десятник: «Не положено». Отобрал до последнего. На календаре 1937 год. Песчанка. Отец корчевал лес. Работал с удовольствием. <...> Вдруг мимо проехала лошадь, запряженная в кошеву,

покрытую черным пологом. Это была беда. Детское сердце не обмануло» (Галина Вшивкова).

Прошли десятилетия, но и сегодня она чувствует тепло ладони отца на своей голове. А потом был суд. Отца увезли по старому тракту в Чердынь. Мать заметила, чем неграмотнее был крестьянин, тем больше срок он получал.

Так что крестьяне оказались подвергнуты репрессиям дважды. Начало 30-х годов — первая волна репрессий. 1937—1939 годы — новая волна, уводившая поселенцев из ссылки в тюрьмы, лагеря. Став матерью двоих детей, Галина предприняла попытку найти лагерь, в котором сгинул отец. На станции Сухобезводной ей сказала женщина: «Милая моя, вся станция стоит на человеческих косточках».

О семье, частной собственности и государстве

Так где же эти, другие силы, на которые можно опереться? Власть точно просчитала эти силы и ударила по ним. Это то, что называется фамильными узами.

Власть была по семье. Ее быть не должно. Твоя семья — это власть и государство, не щадящие ни тебя, ни малых детей твоих. Семейная тема — одна из сильнейших в красновишерской книге. *«Старшему сыну Николаю в момент высылки было 9 лет. Младшая Лида родилась уже в трудссылке. От горя и болезней умерли одна за другой. Мария Савовна в 36 лет, дочь Анна — семи лет, а в 1937 году и Лидия — шести лет» (Надежда Бурмагова).*

Если в семье умирала жена, кормилец, как правило, находил вдову, у которой было не менее трех—пяти детей. К чужим детям относились как к своим.

Подумать только, ни один брак не был зарегистрирован, поскольку спецпереселенцам и местным жителям не позволялось вступать в законный брак. А когда спецпереселенца арестовывали, ребенка не сдавали в приют. Оставляли в семье. Семейные связи иногда кровоточили с обеих сторон. Отправившись в ссылку, мужчина нередко оставлял взрослых детей, которых вынуждали отречься от отца, чтобы сохранить себе жизнь. Отрекались. Шло время. Отец возвращался в родные края, но дети уже чужие.

Но чаще всего, когда потомки размышляли над теми силами, которые помогли выстоять, называлась ЛЮБОВЬ. Да, это была любовь матери к сыну, мужа к жене, внука к деду. Любовь к соседу, с которым делили одно ведро на две семьи. Эта была единственная посуда, в которой готовили еду, стирали белье, грели воду, чтобы вымыться. Когда все чувства покидали человека, оправданием жизни становилась любовь. Она и была единственным источником жизни.

Профессор О. Лейбович в предисловии к книге пишет, что Нина Дюкова сделала невозможное — «убедила собеседников вспомнить о том, о чем они навсегда хотели бы забыть». Это не вся правда. Дело в том, что Красновишерск — особый город. Со своей поступью. Своей прямой спиной. Здесь, не боясь, говорят. *«Мой отец, Макар Бутов, и моя мать были раскулачены. В 1931 году высланы на спецпоселение в Пермскую область. Любили землю и трудились на ней в поте лица» (Андрей Бутов).*

«Я, Андрей Макаров, родился на Песчанке. Мой отец и моя мать были раскулачены. Высланы были одиннадцать членов семьи».

«Я, Мария Булдакова, была выслана в 1931 году с родителями, братьями и сестрами. Люди пухли от голода и умирали. Здесь, на Песчанке, от голода и болезней умерли четверо детей. Тела складывали у барачков. Весной создавались похоронные команды, за тем поле заборонили сучковатыми деревьями. Поселок Песчанка был проклят людьми».

Многие не дождалась при жизни реабилитации. Вишерцы гордятся биографией отцов. Это биография человеческого достоинства. Несгибаемого духа. И умения не прощать власти ее бесчинств.

«Почему я никогда не просил деда показать место на речке Говоруха, где была командировка заключенных, работавших на сплаве леса? Ведь это тоже строка из истории нашей семьи», — вот о чем печалится внук Андриана Гречухи.

Воспринять трагическую историю Вишеры как историю своей семьи и не откреститься от нее — дорогого стоит, как говаривали в старину.

И напоследок. Некоторые упрекают Нину Дюкову за то, что она резко не отделила спецпереселенцев от заключенных Вишлага. Правильно сделала.

«Переселенцы умирали один за другим. Особенно много умерло в 1933 году. В том году умер и наш отец. В 1937 году среди спецпереселенцев начались аресты. Людей куда-то увозили. Почти никто из них не вернулся» (Мария Белькова).

«Весной 1932 года отцу пришлось заехать в поселок Песчанку, где жили спецпереселенцы. Его поразила тишина и отсутствие людей. Он зашел в один дом и увидел ужасающую картину: доски пола шевелились под ногами. На полу лежала мертвая женщина, а по ней ползал опухший от голода, но еще живой ребенок. Он сосал грудь мертвой матери. В соседнем доме было три трупа. Больше отец никуда не стал заходить...»

«Как это ни парадоксально, но пребывание моего отца в лагере спасло его от голодной смерти. Лагерным пайком он подкармливал отца, мать и брата» (Екатерина Видюкова).

Идея проекта Нины Дюковой состоит в том, чтобы отыскать все человеческие судьбы, попавшие под Красное колесо. Книгу она определяет как вклад в дело восстановления исторической правды и как материал к современным учебникам истории.

Пока господа историки Багдасарян, Абдуллаев и др. вешают лапшу на уши будущим авторам учебников истории, из коих будет следовать, что вклад в Победу не одинаков у разных народов, а депортации народов имели свою логику, на просторах Родины чудесной уже давно пишется подлинная история страны как история семьи.

«Я благодарна людям за то, что они поделились пережитым. Переступили через страх, через то горькое и трудное, что довелось испытать в жизни», — это строки из книги учителя истории Альвины Шашкиной «Ванинская пересылка». От порта Ванино и поселка Ягодное Магаданской области до Ухты и Перми пишутся книги страданий, нечеловеческих мук, надежд и тех самых непостижимых уму сил, благодаря которым человек жив, даже если его уже нет на этом свете. Человека можно уничтожить, но бессмертие памяти о человеке не подвластно ни одному чудищу в человеческом обличье.

Господа историки, озабоченные национальными интересами страны в ущерб интересам частного отдельного человека, уже опоздали.

Есть такое понятие — расширение территории историка. Так вот: без знания того, как жили, как чувствовали, как сопротивлялись правящему режиму в своей повседневной жизни наши отцы и деды, территория историка не может считаться ни полной, ни подлинной.

Без соотнесения исторических событий с человеческой судьбой сама история становится отчужденным продуктом, не затрагивающим личностные смыслы.

Воспитательное значение такой истории, на которое уповают молодые историки, неизбежно превратится в фикцию, как это было уже не однажды.

Вспоминайте жизнь своих близких, храните фотографии, документы, как это делает красновишерский внук репрессированного Андриана Гречухи, осужденного по статье 58 п. 10 как антисоветский элемент. В документе, который мне показывал внук, написано: «Ахлемент». Большие грамотеи были блюстители национальных интересов. Новые ничем не лучше.

P.S. *Первенец образцово-показательного концентрационного лагеря — Целлюлозно-бумажный комбинат, на строительстве которого погибли тысячи, как здесь говорят, невинно осужденных, комбинат, дававший работу не одному поколению вишерцев, — встал. И уже нет знаменитой вишерской бумаги, на которой было в кратчайшие сроки отпечатано собрание сочинений В.И. Ленина.*

* СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения.

Эльвира Горюхина
Спецвыпуск «Правда ГУЛАГа» от 19.08.2009

Автор: Артур Скальский © Новая газета ИСТОРИЯ, МИР 11021 19.10.2009, 15:53 686
URL: <https://babr24.com/?ADE=81634> Bytes: 21105 / 20644 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)